

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-485-502

EDN: YVRORT

Социология тела как самостоятельное исследовательское направление: предпосылки становления и предметное поле*

Д.А. Старостина

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: dasha-sta@yandex.ru)

Аннотация. В современном обществе под влиянием процессов глобализации, цифровизации, урбанизации и сетевизации тело обретает новые смыслы, включается в новые дискурсы и становится значимым объектом социологии. В статье рассматриваются возможности выделения социологии тела в самостоятельное научное направление наряду с такими направлениями, как социология медицины, социология сексуальности, феминистская социология, социология спорта, социология еды и питания, социология старости и старения и т.д. Проблематика тела имеет долгую традицию научного исследования, и в статье рассмотрены предпосылки оформления социологии тела в рамках разных областей социального знания: философии, антропологии, психологии и собственно социологии. Выделены четыре базовых исследовательских течения в социологии тела: тело как объект социального контроля; проблематика пола и гендера; тело как объект потребления; тело и технологии — развитие биотехнологий и технологий селф-трекинга. Обозначенные тематические блоки социологии тела не изолированы от смежных направлений — социологии медицины, социологии сексуальности, феминистской социологии и др.; между направлениями, работающими с телом в социологии, прослеживаются заимствования и взаимообогащение, тем не менее, каждое, включая социологию тела, имеет свою предметную специфику. Предмет социологии тела — тело во всем многообразии его социальных проявлений; тело как компонент социальной структуры и социального действия; взаимовлияние тела и современных трансформационных процессов, таких как урбанизация, глобализация, цифровизация, сетевизация и т.д.; формирующиеся общественные движения, центральным звеном которых выступает тело — построение идентичности и индивидуального телесного проекта. Тело становится проектом, который можно/нужно улучшать и продвигать. «Формируемое» тело отражает такие жизненные установки личности, как чувство стиля и вкуса, отношение к здоровью, самоконтроль и т.д. Таким образом, через тело индивид выстраивает свою социальную репрезентацию и идентичность: собственный образ «Я».

Ключевые слова: тело, социология тела, контроль тела, телесные практики, телесный проект, потребляемое тело, гендер, биотехнологии, технологии селф-трекинга

---

*© Старостина Д.А., 2023

Статья поступила 21.03.2023 г. Статья принята к публикации 15.06.2023 г.

Трансформация общества под влиянием процессов глобализации, цифровизации, урбанизации и сетевизации внедряет наше тело в новые контексты и системы отношений — формируется множество дискурсов, в которых тело становится ключевым компонентом. Развитие общества потребления, информационных технологий, создание общественных движений, связанных с гендером или принятием тела, появление новых видов телесных практик и восприятие тела как проекта указывает на расширение роли и значения тела в современной жизни. В результате тело становится значимым объектом социологии, что подтверждается все возрастающим числом исследований и публикаций по проблематике социологии, и ряд ученых сделали вывод о таком новом феномене, как «телесный поворот» [47. С. 1] (*corporeal turn*) в социологии.

Однако проблематика тела имеет долгую традицию научного изучения в рамках самых разных областей познания: философии, антропологии, психологии и социологии. Так, в философской мысли понятие телесности оформляется еще в древности, где сводилось в основном к дуальности «тело-дух», например, в трудах Платона и Аристотеля, Ибн Сины и Аль Фараби [2]. Свою масштабную философскую разработку категория телесности получила в творчестве представителя экзистенциальной феноменологии М. Мерло-Понти, в частности в его работе «Феноменология восприятия» [16]. В ее основе лежит критика классического положения о разделении сознания — тела, духовности — телесности и создание феноменологии, которая смогла бы преодолеть это противостояние. Экзистенциальность подхода Мерло-Понти отражается в том, что единение тела и души для него носит метафизический характер, и для анализа телесности он вводит понятие «телесная схема». Она содержит в себе такие элементы, как поза, движение и сенсомоторные изменения, исследуемые не в отдельности, сами по себе, а с учетом их взаимосвязи и взаимовлияния. «Телесная схема» осуществляет работу с сознанием, структурируя его, но эта работа не находит прямого отражения в ее содержании. Для придания «телесной схеме» ценностной наполненности, Мерло-Понти дополняет ее понятием телесного образа — системы восприятий, отношений и убеждений, принадлежащих телу [38. С. 234]. С помощью данных категорий Мерло-Понти показывает, что тело — это не просто существующий в пространстве физический субстрат: опосредованное сознанием, оно включает в себя чувства, ценности и способность восприятия и понимания информации.

Неоднократно в его книге встречается понятие действующего тела, включающее в себя «пассивность» и «анонимность» телесности [16. С. 122]. Под первой понимается отсутствие у «Я» возможности быть участником событий и контролировать их ход: действующее тело способно лишь фиксировать происходящие процессы, но не владеть ими в полной мере, что подтверждает невозможность человека всегда контролировать свои чувства, эмоции и мыс-

ли. «Анонимность» подразумевает отсутствие у «Я» возможности быть абсолютным инициатором происходящих в нем процессов, поскольку телесность никогда не индивидуализирует себя в полной мере как абсолютный центр. Мерло-Понти называет это состояние одновременно свободой и порабощенностью индивида. Тем не менее тело, в отличие от индивида, относительно постоянно как неотъемлемый атрибут существования, в то время как человек трансцендентен самому себе. Следовательно, именно тело становится базовой точкой отсчета в системе наших координат: «мое тело — это ось мира: я знаю, что у объектов много сторон, так как я бы мог обойти их кругом, в этом смысле я обладаю осознанием мира при посредстве моего тела» [16. С. 130]. Другой ключевой момент в концепции Мерло-Понти — четкое разграничение, казалось бы, близких понятий — «тело» и «плоть»: плоть фактически приравнивается к понятию материи, а тело представляет собой более высокий уровень организации плоти мира (она захватывает плоть тела, проникая в него и наполняя собой).

Таким образом, тело и телесность выполняют ряд важных функций, которые можно условно назвать: гносеологическая функция — благодаря телу сознание получает возможность интегрировать информацию об объектах окружающей действительности в целостную картину мира; функция поддержания — тело помогает в адаптационных процессах; развития — диапазон развития телесности позволяет человеку в нужной мере «резонировать» с миром и духовно совершенствоваться; соединения и разъединения — при жизни телесность соединяет душу и тело (идеальное и материальное), а в момент смерти, наоборот, осуществляет их разделение. Наличие телесности как реального феномена имеет важнейшее значение, так как показывает единство духовного и телесного, их синтез, и отказ от категории телесности в процессе познания приводит к отказу от чувственного опыта как такового.

Антропология включила тело в свою предметную область раньше многих других социально-гуманитарных дисциплин и с XIX века отводит ему важнейшую роль в своих исследованиях [27]. Дело в том, что в досовременных обществах (объект антропологии) тело выступает самым очевидным и наглядным способом демонстрации важных социальных идентификаторов — возраста, пола, племенной и религиозной принадлежности, главенства — посредством татуировок, шрамов и украшений [46]. Ключевые фигуры в антропологическом анализе телесности — Ф. Боас [4], М. Мосс [18], М. Мид [17], М. Дуглас [10] и др. Так, Мосс определяет техники тела как «традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом» [16. С. 304]. Для него «тело есть первый и наиболее естественный инструмент человека. Или, если выразиться более точно и не говорить об инструменте, можно сказать, что первый и наиболее естественный технический объект и в то же время техническое средство человека — это его тело» [16. С. 311]. Техники тела связаны, прежде всего, с кон-

кретными обществами и культурами: формирование привычек, традиций, ценностей и усвоение опыта происходит на основе телесных техник — обрядов, танцев и даже простых повседневных движений. Изучая техники тела, Мосс настаивает на необходимости тройственного подхода — анализе социальных, биологических и психологических аспектов телесности — и вводит несколько классификаций техник тела. Первая классификация, или «первые четыре подхода к предмету», базируется на широком этнографическом материале из жизни европейских, восточных и «примитивных» обществ: гендерные особенности техник тела, изменчивость техник тела в зависимости от возраста, разделение техник по эффективности и передаче форм техник. Вторая классификация имеет эмпирический характер и более доступна для фактического наблюдения, поскольку в ней поэтапно отражена жизнь индивида: техники рождения и акушерства, техники детского периода, техники юности, техники зрелого возраста.

В целом из антропологической традиции изучения телесности социология заимствует следующие положения: признание как комплекса телесных ограничений (например, репродуктивные, связанные с генетическими ограничениями механизма наследственности у млекопитающих), так и скрытого потенциала тела, который может быть реализован в ходе социокультурного развития; противоречия между сексуальными влечениями человека и социокультурными требованиями; гендерные особенности переживания «естественных» фактов.

В психологии одним из первых тело в область своих исследований включил З. Фрейд. В конце первой четверти XX века он обосновал тесную взаимосвязь телесного опыта и образа «Я», отметив, что тело играет значимую роль в развитии эго-структур. Фрейд разработал генетическую теорию (развитие — это процесс изменения локализации либидо) на основе категории телесного переживания и сделал телесность важным аспектом в психиатрии, например, для обнаружения симптомов конверсионной истерии в психопатологии. А. Адлер проследил взаимовлияние телесного образа «Я» и самооценки, например, определенное поведение может быть компенсацией реальной или вымышленной неидеальности тела.

В целом можно выделить три основных подхода к пониманию образа тела [24]: первый подход определяет его как результат активности ряда нейронных систем, поэтому изучение тела сводится к исследованию физиологических структур мозга, а понятия «образ тела» и «схема тела» (введенное Р. Боньером в 1893 году) фактически отождествляются. Представители второго подхода считают образ тела результатом психического отражения, некоей умственной картиной собственного тела, но расходятся в трактовке соотношения понятий «образ тела» и «концепция тела»: так, Дж. Чаплин считает их синонимами, а Д. Беннета утверждает, что концепция тела — лишь один из аспектов образа тела (другой аспект — восприятие тела), т.е. концепция

тела во втором случае выступает как набор признаков, используемых человеком для описания тела, когда он отвечает на вопросы или рисует фигуру человека [26]. В третьем подходе образ тела выступает как сложное структурное единство восприятий, установок, оценок и представлений, связанных с телесной внешностью и функциями тела. Такой взгляд на образ тела сегодня наиболее широко распространен в психологии, например, это концепция Р. Шонцема, в которой выделены четыре уровня образа тела: «схема тела», «телесное Я», «телесное представление» и «концепция тела».

В отличие от рассмотренных выше наук для социологии важнейшей является проблема соотношения структуры и действия [9. С. 43]. Тело появляется в предметной области социологии в начале XX века — в социологии культуры Г. Зиммеля, фигуративной социологии Н. Элиаса, теориях Дж.Г. Мида и И. Гофмана, но основоположником социологии тела считается М. Фуко. В научный оборот были введены такие важные категории, как чувственно-телесное восприятие, сексуальность, стыд, самопринуждение, цивилизационный процесс, власть над телом, дисциплинарное общество, роль тела, уязвимость тела, самообладание, телесная сторона, телесно-воплощенная и бестелесная информация, идиома тела, наблюдаемость. Позже тело становится объектом исследования в трудах П. Бурдье и Х. Йоаса, а ключевыми понятиями — контроль через тело, габитус, креативное действие, телесная схема, образ тела.

Фуко предложил рассматривать тело как объект власти и контроля и ввел следующую дефиницию биополитики: «то, как начиная с XVIII века пытались рационализировать проблемы, поставленные перед правительственной практикой феноменами, присущими всем живущим, составляющим население: здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство... эти проблемы неотделимы от рамок политической рациональности, в которых они возникли и обрели свое звучание» [30. С. 405]. Формирование биополитики прослеживается на двух уровнях: первый связан с ее развитием через учреждения — тюрьмы, школы, больницы, клиники и т.д.; второй уровень менее очевидно связан с контролем — управление здесь осуществляется с помощью политических технологий, от статистики и демографии до общественного здравоохранения, обустройства городского пространства и строительства жилья.

Согласно Фуко, при капитализме важнее всего становятся биополитическое, биологическое и телесное измерения жизни: например, человеческое тело с социально-политической точки зрения оценивается в качестве рабочей силы, тогда как медицину тело в этом качестве не интересовало до второй половины XIX века, когда была поставлена проблема тела, здоровья и уровня производительных сил индивида [30. С. 83]. Целями медицинского обслуживания стали улучшение человеческого капитала и его сохранение для как можно более долгого использования, вследствие чего переосмысли-

ваются вопросы защиты здоровья и общественной гигиены — как способные или не способные улучшить человеческий капитал [30. С. 290].

Парадигма выстраивания власти, согласно Фуко, предполагает, что ее требования и предписания реализуются большей частью не за счет внешнего дисциплинирующего воздействия, а благодаря внутренним поведенческим моделям, добровольно встроенным в повседневную «практику тела». Индивиды становятся «экспертами самих себя», начинают практиковать культурную и просвещенную заботу о своем теле, сознании, формах поведения, а также о телах, сознаниях и формах поведения членов своей семьи, товарищей, коллег и т.д. Фуко обогащает социологию тела такими категориями, как биовласть, биополитика, медиализация, биоистория, прокладывая путь для исследований в контексте современной социологии медицины. Кроме того, сегодня тело стало полноправным объектом изучения социологии сексуальности, феминистской социологии, социологии спорта, социологии еды и питания, социологии старости и старения [21. С. 21].

Возникает закономерный вопрос: имеет ли социология тела смысл в качестве самостоятельного направления? Имеет, потому во всех перечисленных выше направлениях тело занимает одно из центральных мест, однако ни одно из них не может претендовать на полный и всесторонний анализ тела. В современном обществе на плечи индивида ложатся многие проблемы, решение которых прежде брало на себя общество и государство: такие социальные риски, как болезни, безработица и нищета, трансформировались в задачи личной ответственности за здоровый образ жизни и уход за телом. Индивиды вынуждены заниматься «телесным менеджментом»: тело становится проектом, который нужно улучшать и продвигать, и «формируемое» тело отражает такие жизненные установки личности, как чувство стиля и вкуса, отношение к здоровью, самоконтроль и т.д. Через тело индивид выстраивает свою социальную репрезентацию и идентичность, например, девушка может позиционировать себя как ведущую здоровый и активный образ жизни: регулярно занимается в фитнес-зале (социология спорта), соблюдает специально подобранную диету, подсчитывает калории (социология еды и питания), работает над достижением идеального, по ее мнению, мышечного рельефа и формы тела (социология сексуальности), принимает витамины и много времени проводит на свежем воздухе (социология медицины). В скобках отмечены области, которые могут описать каждое действие и выбор в отдельности, однако в совокупности они составляют предметное поле социологии тела — осознанное построение телесного проекта, присутствующее в жизни каждого индивида.

Таким образом, телесный проект — это определенный набор телесных практик, сформированный индивидом на основании собственных социальных, культурных, политических, этических и других предпочтений для создания целостного образа своего «Я» и отражающего его идентичность. Соответственно, телесные практики — это социально обусловленные, осоз-

нанно наделяемые ценностью действия индивида в отношении своего тела, цель которых — реализация собственного телесного проекта. Исследования тела как проекта и составляющих его техник тела и формирует предметное поле социологии тела.

Можно выделить в социологии тела следующие основные исследовательские блоки: тело как объект социального контроля; проблематика пола и гендера; тело как объект потребления; тело и технологии — развитие биотехнологий и технологий селф-трекинга.

Тело как объект социального контроля. Социологические исследования в области биополитики и социология медицины имеют свою специфику, но их общую повестку сформулировал, в первую очередь, Фуко, предложив рассматривать тело как объект власти и контроля. Вопросы контроля набирают все большую актуальность и масштабы в связи с развитием технологической базы современного общества и появлением новых методов управления телами. Важнейший источник социального контроля над телом — сфера медицины. Согласно Фуко медицина обладает колоссальной властью, так как имеет эксклюзивный доступ к телу, и это не только конкретный «пациент», а политическое влияние на все общество. «Имея возможность наблюдать каждого, контролировать его жизнедеятельность, изолировать от других людей при необходимости, констатируя смерть/инвалидность, медицина контролирует все общество, записывая и фиксируя непрерывно информацию в медицинских картах за каждым, получая в итоге полную картину актуального состояния населения» [30. С. 94].

Для Фуко одна из значимых «технологий безопасности» — массовая вакцинация населения от оспы в конце XVIII — начале XIX веков: она позволяет составлять «портрет» состояния здоровья населения, помогает определять, какая именно группа (по территориальному, возрастному и иным признакам) нуждается в наибольшем контроле состояния здоровья, чтобы не допустить распространения эпидемии и возрастания смертности. Подобные мероприятия позволили социальной медицине завоевать авторитет и стать синонимом надежности, необходимости и безопасности. На этапе зарождения социальной медицины происходит институционализация биополитики: медицина становится важнейшим средством телесного контроля, платформой для его реализации, охватывая и подчиняя своему влиянию все проявления телесности — как физиологические, так и морально-психологические (например, в психиатрии).

В этом контексте важнейшей характеристикой тела становится здоровье. В социологии здоровье определяется как «сложный социальный феномен, который отражает качество адаптации организма человека к условиям природной и социальной среды, а также позволяет выделить особенности взаимодействия семьи, органов образования и здравоохранения, средств массовой информации по выработке у населения ориентаций на здоровый об-

раз жизни» [20. С. 32]. Согласно классификации, разработанной экспертами Всемирной организации здравоохранения, состояние здоровья определяется следующими «группами факторов: генетическими (наследственными); образом жизни; доступностью медицинских услуг; состоянием окружающей среды» [14. С. 137]. Несмотря на разность трактовок, исследователи едины в том, что здоровье — социальный конструкт, который складывается под влиянием, в первую очередь, социальных, а не биологических факторов.

Исследования проблематики пола и гендера. Пол — физиологическая характеристика тела, а гендер — социальная, связанная с выстраиванием идентичности на основе телесных признаков и практик. Тело в этом контексте становится источником борьбы и отстаиванием прав. Так, основы феминистского направления оформились уже в XVIII веке и связаны с именами Вольтера и Ш.Л. Монтескье, которые писали о несправедливой доле женщин и о необходимости включения их в общественную жизнь [25]. С середины XIX столетия образованное женское население (преимущественно в Англии) начинает более активно участвовать в жизни общества, но феминизм как научное направление складывается лишь в XX веке.

Значительный вклад в исследования пола и гендера внесла представительница экзистенциального направления в философии С. де Бовуар [23], утверждавшая, что анатомические различия мужчины и женщины не делают их разными в социокультурном плане [23. С. 18]. Современные исследователи разделяют ее позицию относительно разделения физиологической и социокультурной составляющих в гендерной проблематике: «взаимоотношения между полами и анатомические данности — это разные вещи, сводить “половые вопросы” к вопросам анатомическим нельзя, такое сведение — это политическое действие, осуществляемое в интересах определенных групп» [12. С. 3].

Философ и психоаналитик Ю. Кристева, ученица Р. Барта и представительница постмодернистского феминизма, предприняла попытку концептуализации связи между разумом и телом, культурой и природой, психикой и сомой, материей и репрезентацией. Она различает семиотический и символический элементы значения [39; 40]: первый — это телесный двигатель, связанный с ритмами, тонами и движением знаковых практик; второй определяется грамматикой и структурой значений; без символики все значения были бы лепетом, а без семиотики они были бы пустыми и не имели значения. Например, представление Кристевой о материнстве базируется на том, что материнское тело связывает природу и культуру: даже если мать не является субъектом или агентом своей беременности и родов, это не лишает ее статуса говорящего субъекта, выражающего мнение. А поскольку в этой ситуации женщина выполняет материнскую функцию, у нее нет пола. В некоторой степени материнскую функцию может выполнять любой — и мужчина, и женщина. Фактически материнское тело оказывается прототипом

сверхъестественного, которое «представляет собой и дом и не дом, присутствие и отсутствие, обещание полноты и уверенность в утрате» [44. С. 232]. В результате психоанализ объединил отчуждение, смерть и материнское тело, которое предстает как единство двух принципов: «два в одном» и «иное внутри» становится универсальной моделью всех субъективных отношений. Как и материнское тело, каждый из нас — «субъект в процессе» и субъект процесса: мы всегда ведем переговоры внутри себя и, подобно материнскому телу, никогда полностью не подчиняемся собственному опыту.

Философ и представительница постфеминизма (или постмодернистского феминизма) Р. Брайдотти сочетает идеи постмодернистских теорий Ж. Дерриды, М. Фуко и Ж.-Ф. Лиотара с идеями радикального феминизма и постструктурализма, рассматривая вопросы языка, власти и женщин. Актуальность проблемы различия полов Брайдотти объясняет двумя фундаментальными причинами: во-первых, это роль, которую играла сама категория различия в истории Европы (например, в европейском фашизме); во-вторых, это то специфическое место, которое различие занимает в феминистской теории и практике (центр и источник высокого концептуального напряжения). Исходный тезис Брайдотти — утверждение, что понятие гендер теряет свой смысл и значимость в современной феминистской теории и практике по трем причинам [6. С. 224–225]: во-первых, само понятие «гендер» подвергается критике ввиду своей теоретической неадекватности и политической аморфности; во-вторых, кризис гендера как категории феминизма совпал с изменением исходных феминистских позиций, которые в определенный момент стали бессмысленны; в-третьих, дискуссии ученых из разных стран показали непереваемость термина «гендер» и его культурно-специфическую обусловленность. Иными словами, различие категорий «пол» и «гендер», один из важнейших принципов англоязычной феминистской теории, не имеет ни политического, ни эпистемологического смысла во многих неанглоязычных контекстах, где вместо понятия «гендер» используются термины «сексуальность» и «различие полов».

В целом в рамках феминистского прочтения реальности категория тела, несмотря на разность трактовок и функций, выступает структурообразующим звеном феминистских концепций. «Тело» укоренено в существующей системе гендерного неравенства/различия полов не только с физиологической точки зрения, оно связано с практиками, субъектностью и выстраиванием идентичности. Современные исследователи разводят [15. С. 127] физический пол (*sex*) (биологическое деление на мужчин и женщин), социальный пол (*gender*) (различие женственности (*femininity*) и мужественности (*masculinity*), гендерное разделение труда в социальных институтах и организациях) и культурный пол (метросексуальность и ретросексуальность). Благодаря заложенным в феминистской концепции тенденциям меняются практики повседневной жизни и культурные нормы телесности, что влияет

на политические институты, самосознание женщин и гендерную систему; открываются ранее табуированные темы, меняется интерпретация и контекст ранее обсуждаемых тем [13. С. 50].

Одно из следствий обозначенных трансформаций — формирование политических практик отказа от гендера, ликвидация разделения на мать и отца, бабушек и дедушек и т.д. Например, более 12 % поколения миллениалов в США идентифицируют себя как транссексуалов или гендерно-неконформных, большинство считает, что гендерная идентичность — это спектр, а не бинарность «мужчина/женщина» (1). Взгляды поколения Z на гендер еще более «продвинуты»: в США 56 % знают кого-то, кто использует гендерно-нейтральные местоимения, а 59 % считают, что формы ответа должны включать варианты, отличные от «мужчина» и «женщина». В мире 25 % представителей поколения Z задумываются об изменении гендерной идентичности хотя бы раз в жизни. Размывание гендера ведет к размыванию телесности — она выходит за рамки привычного конструирования: то, что ранее считалось сугубо женским или сугубо мужским, перестает быть таковым. Смешиваются не только внешние характеристики тела, но и телесные практики в разных сферах общественной жизни.

Тело как объект потребления. Данная трактовка обусловлена освоением техник заботы о теле в современной потребительской культуре: люди обращаются к образу тела в инструментальной манере, поскольку социальный статус и общественное одобрение во многом зависят от внешнего облика. Так, Ж. Бодрийяр утверждает, что тело — «самый прекрасный объект потребления»: «в наборе потребления есть объект более прекрасный, более драгоценный, более яркий, чем все другие, более нагруженный коннотациями, чем автомобиль, объект, который, однако, все их подытоживает: это — тело» [5. С. 114]. Он говорит о новой этике отношения к телу: оно больше не воспринимается как сугубо плоть в религиозной трактовке или как рабочая сила в терминах индустриализма, а становится объектом нарциссического культа, включая два базовых компонента — красоту и эротизм. Несмотря на значимость новой этики как для мужчин, так и для женщин, именно женская модель главенствует в новой этике: становясь абсолютным религиозным императивом для женщин, красота уже не является дополнением к моральным качествам, а занимает лидирующую позицию, представляя собой «форму капитала». Общество потребления порождает культ тела и фетишизацию как мира, так и самого человека. Тело загоняется в определенные стандарты и рамки красоты в рекламе, моде и массовой культуре, ему навязываются конкретные форматы молодости, мужественности или женственности, элегантности и ухода, режимы и жертвенные занятия. Тело даже начинает заменять душу в моральной и идеологической функции.

М. Фезерстоун [33–35] полагает, что в современном потребительском обществе все чаще проявляется гедонизм по отношению к телу, выражающийся

в массовой заботе о его физической функциональности и привлекательном внешнем виде. Уход за телом становится одной из повседневных потребительских практик: «Как машины и другие потребительские блага, тело требует обслуживания, регулярного ухода и вмешательства для сохранения своей максимальной эффективности» [35. С. 18]. Транслируют такие идеи реклама, пресса, телевидение и кинофильмы, распространяя стилизованные изображения тела и пропагандируя преимущества косметического ухода за ним.

В потребительской культуре стройность стала ассоциироваться со здоровьем, а избыточный вес — с риском для него, однако значительная часть медийных «советов» носит псевдонаучный характер и может представлять угрозу для психологического и физического здоровья. Например, сегодня широко распространено РПП (расстройство пищевого поведения) — психическое заболевание, негативно влияющее на физическое и психическое здоровье человека, которое характеризуется ненормальным потреблением пищи. РПП затрагивает не менее 9 % населения мира (2); 9 % населения США, или 28,8 миллиона американцев, в течение жизни будут иметь РПП (3); менее 6 % людей с РПП имеют медицинский диагноз «недостаточный вес» [37. С. 403]; 28–74 % риска РПП связано с генетической наследственностью; РПП — второе из самых смертоносных психических заболеваний после передозировки опиоидов; около 26 % людей с РПП пытаются покончить жизнь самоубийством (2); 10200 смертей в год — прямой результат РПП, а это одна смерть каждые 52 минуты (3), т.е. фактически навязываемые СМИ идеалы могут оказаться смертельно опасными для некоторых групп.

Кроме того, возник социальный стереотип, что тело — ключ ко всем удовольствиям, ощущениям, вкусам и аспектам потребительской культуры, а она, в свою очередь, представляет собой «хорошую жизнь», доступную для покупки. Однако потребителю приходится сталкиваться с противоречивыми советами «экспертов» и культурных посредников, а также с примерами знаменитостей и лидеров мнений. Положительные преимущества телесной трансформационной работы постоянно превозносятся, будучи ключевым принципом не только потребительской культуры, но и западной современности в целом. Трансформация внешнего вида рассматривается как все более приемлемая и даже достойная жизненная цель: «хорошо выглядеть» означает и «чувствовать себя хорошо», и эта трансформационная логика презентуется как общедоступная, порождая все больше методов изменения телесности, в частности, пластическая хирургия стала популярной легитимной формой самосовершенствования. Успех косметической хирургии основан в том числе на увлечении ею звезд и знаменитостей: все чаще люди стремятся не только одеваться или сделать прическу, как у любимой знаменитости, но и изменить черты лица или форму фигуры, чтобы стать более похожими на своего кумира. Популярность пластической хирургии открывает не только новые возможности, но и, очевидно, приводит к негативным последствиям: помимо

этических проблем, одной из которых является потеря индивидуальности, вмешательства пластических хирургов могут вызывать физиологические отклонения и болезни.

Тело и технологии — развитие биотехнологий и технологий селф-трекинга. Высокие темпы технологического развития вносят коррективы в изучение телесности — появляются возможности изменения биологической природы человека с помощью новейших научно-технологических средств. Индивид в таком обществе становится неопределенным и пластичным благодаря техникам моделирования тела. Упадок индустриального общества сопровождается угасанием человека-машины, на его место приходит человек, тело которого, будучи помещено в цифровой режим, предстает как система обработки данных и кодов — становится проницаемым, проектируемым и программируемым [11. С. 90].

Ф. Фукуяма [30] утверждает, что развитие технологий — одна из основных движущих сил прогресса, и науки, связанные с биологической сферой, находятся на пике. Современные биомедицинские достижения означают наше вхождение в новое будущее, в котором человечество изменится до неузнаваемости. Способность конструировать тело и мыслительные способности, меняя ДНК, влечет за собой серьезные последствия, многие из которых потенциально опасны, в частности, Фукуяма объясняет возможные последствия генетических манипуляций в контексте основы либеральной демократии — представления о том, что все люди равны. Зарождающаяся биотехнологическая революция фактически делает тело новым источником неравенства: в будущем не только еда, условия жизни и потребляемые товары будут критериями классового разделения, но и сама жизнь благодаря доступу, например, к методам продления жизни, новым органам и способности «конструировать» своих детей до рождения. Последствием данного расхождения могут стать классовые войны, поскольку богатые смогут получать доступ к новым веществам и методам, которые сделают их самих и их детей сильнее и умнее, а также продлят жизнь. Таким образом, тело становится основой биотехнологической революции, так как все трансформации и модификации непосредственно связаны с ним, но одновременно и новым основанием классового деления.

Очевидно, что чем быстрее развиваются технологии, тем ближе к телу они становятся. Так, с первыми ЭВМ взаимодействовала малая часть индивидов, что было обусловлено необходимостью высокого уровня профессиональной подготовки, а также малой доступностью и дороговизной ЭВМ. Постепенно, с развитием информационно-коммуникационных технологий и появлением персонального компьютера, формируется более тесный контакт: теперь компьютер может стоять дома на столе и не требует специальных знаний для использования. Изобретение ноутбука еще сильнее приближает технологию к телу: индивид берет его с собой в поездки и путешествия, ложится

с ним в кровать, чтобы посмотреть фильм или поработать. Также смартфон стал неотъемлемым атрибутом повседневной жизни индивида и становится неотъемлемой частью его быта. В 2021 году компании «We Are Social» и «HootSuite» (4) провели масштабное исследование использования мобильных устройств, социальных сетей, доступа к Интернету и т.д.: количество пользователей смартфонов в мире составило 5,22 миллиарда (из 7,83 миллиарда жителей земли), а смартфонов в мире было больше, чем людей (8,02 миллиарда активных устройств).

Еще десятилетие назад считалось, что смартфон — самая близкая технология к человеку и его телу, однако развитие цифровой среды внесло свои коррективы. Появляется новый вид технологий, не просто опосредованно взаимодействующих с телом, а напрямую с ним связанных, — технологии селф-трекинга (*self-tracking*). Это «биометрические практики, направленные на регулирование, мониторинг, запись и измерение особенностей человеческого поведения, телесных функций» [43. С. 2]. Данные технологии выполняют для индивида функцию самомониторинга благодаря таким устройствам, как биометрические наушники, кольца, умные часы, фитнес-браслеты, которые измеряют время и качество сна, пульс и давление, число пройденных шагов, количество потраченных калорий, уровень стресса и т.д. Активность тела постоянно оцифровывается, превращаясь в коллекцию данных [19. С. 172]. Граница между телом и технологиями все сильнее размывается: сегодня инструменты самоконтроля могут быть надеты на тело, встроены в одежду, зубную щетку и даже приняты внутрь (цифровые таблетки) [42. С. 77–86.]. Такое сближение человеческого тела с технологиями необходимо изучать в рамках социологии тела, так как оно несет как потенциальные возможности развития, так и угрозы.

Примечания

- (1) *Kenney L.* Companies can't ignore shifting gender norms // Harvard Business Review. 08.04.2020 // URL: <https://hbr.org/2020/04/companies-cant-ignore-shifting-gender-norms>.
- (2) *Arcelus J. et al.* Mortality rates in patients with anorexia nervosa and other eating disorders. A meta-analysis of 36 studies // Archives of General Psychiatry. 2011. Vol. 68. No. 7.
- (3) Deloitte Access Economics: The Social and Economic Cost of Eating Disorders in the United States of America: A Report for the Strategic Training Initiative for the Prevention of Eating Disorders and the Academy for Eating Disorders. June 2020.
- (4) «We Are Social» и «Hootsuite» публикуют статистические данные об Интернете и социальных сетях со всего мира в ежегодном отчете «Global Digital 2021» // URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2021-glavnaya-statistika-po-rossii-i-vsemu-miru>.

Библиографический список

1. *Айвазова С.Г.* Симона де Бовуар: этика подлинного существования // Женщина в российском обществе. 2014. № 2.
2. *Баниже О.Н.* Женская телесность как культурологическая проблема // Культурное наследие России. 2017. № 2.
3. *Белова А.В.* Девичество российской дворянки XVIII — середины XIX века: телесность, сексуальность, гендерная идентичность // Женщина в российском обществе. 2014. № 2.

4. Боас Ф. Ум первобытного человека. М., 1926.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
6. Брайдотти Р. Половое различие как политический проект номадизма // Хрестоматия феминистских текстов. СПб, 2000.
7. Воденко К.В., Дегтярев А.К. Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков // Женщина в российском обществе. 2021. № 3.
8. Гербут Н.А., Гербут И.А. Недопредставленность женщин в названиях улиц: гендерные нарративы городских пространств // Женщина в российском обществе. 2021. № 4.
9. Гидденс Э., Самтон Ф. Основные понятия социологии. М., 2018.
10. Дуглас М. Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М., М., 2000.
11. Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2016.
12. Клименкова Т.А. Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М., 1996.
13. Королева Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368.
14. Лядова А.В. Социальные факторы здоровья в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021. № 4.
15. Мельник Г.С., Панцеров К.А. Гендерное неравенство в социальной практике и массово-информационном дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. № 4.
16. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
17. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в изменяющемся мире. М., 2004.
18. Мосс М. Техники тела. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996.
19. Ним Е.Г. Селф-трекинг как практика квантификации телесности: концептуальные контуры // Антропологический форум. 2018. № 38.
20. Новоселова Е.Н. К вопросу о роли социологии в изучении и сохранении здоровья населения России // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2017. № 3.
21. Пивоваров А.М. Социология тела в поисках своей идентичности: анализ исследовательских программ // Социологический журнал. 2019. № 4.
22. Силласте Г.Г. Гендерная социология и российская реальность. М., 2016.
23. де Бовуар С. Второй пол. М.–СПб., 1997.
24. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.
25. Старостина Д.А. Формирование дискурса о теле в феминистских исследованиях: «второй пол», субъект в процессе, номадическая субъективность // Социология. 2021. № 6.
26. Стребкова Ю.А. Психологические аспекты изучения телесности // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. № 6–1.
27. Тернер Б. Современные направления развития теории тела // Thesis. 1994. № 6.
28. Троцук И.В. Социальные метафоры и «конструкция» человека в научной публицистике о теле // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 2.
29. Троцук И.В., Морозова А.В. Символические коды телесности: одежда как индикатор трансформаций социокультурных практик // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 2.
30. Фуко М. Рождение биополитики. СПб., 2010.
31. Фуко М. Рождение социальной медицины. М., 2006.
32. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

33. Featherstone M. Consumer Culture and Postmodernism. London–Newbury Park, 1991.
34. Featherstone M. Post-Bodies, Ageing and Virtual Reality. Images of Ageing. London, 1995.
35. Featherstone M. The body in consumer culture // Theory, Culture and Society. 1982. Vol. 1. No. 2.
36. Featherstone M., Hepworth M., Turner B.S. The Body. Social Process and Cultural Theory. London, 1991.
37. Flament M., Henderson K., Buchholz A. et al. Weight status and DSM-5 diagnoses of eating disorders in adolescents from the community // Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry. 2015. Vol. 54. No. 5.
38. Gallagher S. How the Body Shapes the Mind. Clarendon Press, 2005.
39. Kristeva J. From one identity to another // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. New York, 1980.
40. Kristeva J. Powers of Horror. New York, 1982.
41. Kristeva J. Revolution in Poetic Language. New York, 1984.
42. Lupton D. Self-tracking cultures: Towards a sociology of personal informatics // Proceedings of the 26th Australian Computer-Human Interaction Conference on Designing Futures: The Future of Design, 2014.
43. Lupton D. The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking. Malden, 2016.
44. Sprengnether M. The Spectral Mother: Freud, Feminism and Psychoanalysis. Ithaca, 1990.
45. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
46. Polhemus T. Social Aspects of the Human Body. Harmondsworth, 1978.
47. Witz A. Whose body matters? Feminist sociology and the corporeal turn in sociology and feminism // Body and Society. 2000. Vol. 6. No. 2.
48. Wegren S.K., Nikulin A., Trotsuk I., Golovina S. Gender inequality in Russia's rural informal economy // Communist and Post-Communist Studies. 2017. Vol. 50.
49. Wegren S.K., Nikulin A., Trotsuk I., Golovina S., Pugacheva M. Gender inequality in Russia's rural formal economy // Post-Soviet Affairs. 2015. Vol. 31. No. 5.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-3-485-502

EDN: YVRORT

Sociology of the body as an independent research direction: prerequisites for formation and subject field*

D.A. Starostina

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: dasha-sta@yandex.ru)

Abstract. In the contemporary society, under globalization, digitalization, urbanization and networkization, the body acquires new meanings, is included in new discourses and becomes a significant object of sociology. The article considers the possibility of sociology of the body

---

*© D.A. Starostina, 2023

The article was submitted on 21.03.2023. The article was accepted on 15.06.2023.

as an independent scientific direction similar to such directions as sociology of medicine, sociology of sexuality, feminist sociology, sociology of sports, sociology of food and nutrition, sociology of aging, etc. The problem of the body has a long tradition of scientific research, and the author identifies the prerequisites for sociology of the body in various areas of social knowledge: philosophy, anthropology, psychology, and general sociology. The author describes four basic research fields in sociology of the body: body as an object of social control; issues of sex and gender; body as an object of consumption; body and technology — development of biotechnology and self-tracking technologies. These thematic blocks of sociology of the body are not isolated from such related fields as sociology of medicine, sociology of sexuality, feminist sociology, etc. All directions in the sociological study of the body are interrelated; however, each of them, including sociology of the body, has its own research field. Thus, sociology of the body studies the body in all its diverse social manifestations; the body as an element of social structure and social action; mutual influence of the body and contemporary transformations, such as urbanization, globalization, digitalization, networkization, etc.; emerging social movements focusing on the construction of identity and of the individual corporal project. The body becomes a project that can/should be improved and promoted. The “formed” body reflects such life attitudes of the individual as a sense of style and taste, attitudes to health, self-control, etc. Thus, through the body, the individual creates one’s social representation and identity: the image of “I”.

Key words: body; sociology of the body; body control; body practices; body project; consumed body; gender; biotechnologies; self-tracking technologies

References

1. Ajvazova S.G. Simone de Beauvoir: etika podlinnogo sushchestvovaniya [Simone de Beauvoir: Ethics of open existence]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2014; 2. (In Russ.).
2. Banizhe O.N. Zhenskaya telesnost kak kulturologicheskaya problema [Women’s corporality as a cultural problem]. *Kulturnoe Nasledie Rossii*. 2017; 2. (In Russ.).
3. Belova A.V. Devichestvo rossijskoj dvoryanki XVIII — serediny XIX veka: telesnost, seksualnost, gendernaya identichnost [Girlhood of the Russian noblewoman in the 18th — mid-19th centuries: Corporality, sexuality, gender identity]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2014; 2. (In Russ.).
4. Boas F. *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Moscow; 1926. (In Russ.).
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society. Myths and Structures]. Moscow; 2006. (In Russ.).
6. Braidotti R. Polovoe razlichie kak politicheskij proekt nomadizma [Sexual difference as a nomadic political project]. *Khrestomatiya feministicheskikh tekstov*. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
7. Vodenko K.V., Degtyarev A.K. Gendernye stereotipy v sfere vysshego obrazovaniya: akademicheskoe liderstvo kak sposob nejtralizatsii sotsialnyh riskov [Gender stereotypes in higher education: Academic leadership as a way to neutralize social risks]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2020; 3. (In Russ.).
8. Gerbut N.A., Gerbut I.A. Nedopredstavlenost zhenshchin v nazvaniyah ulits: gendernye narrativy gorodskih prostranstv [Underrepresentation of women in street names: Gender narratives of urban spaces]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2021; 4. (In Russ.).
9. Giddens E., Sutton Ph. *Osnovnye ponyatiya sotsiologii* [Essential Concepts in Sociology]. Moscow; 2018. (In Russ.).
10. Douglas M. *Chistota i opasnost: Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu* [Purity and Danger: An Analysis of Concept of Pollution and Taboo]. Moscow; 2000. (In Russ.).
11. Kimelev Yu.A. *Filosofiya i sotsiologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodejstviya* [Philosophy and Sociological Theory. Fields of Interaction]. Moscow; 2016. (In Russ.).
12. Klimenkova T.A. *Zhenshchina kak fenomen kultury. Vzglyad iz Rossii* [Woman as a Cultural Phenomenon. Russian Perspective]. Moscow; 1996. (In Russ.).

13. Koroleva T.A. Zhenskoe dvizhenie: genesis i evolyutsiya [Women's movement: Genesis and evolution]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2013; 368. (In Russ.).
14. Lyadova A.V. Sotsialnye faktory zdoroviya v usloviyah pandemii novej koronavirusnoj infektsii [Social factors of health under the new coronavirus pandemic]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. 2021; 4. (In Russ.).
15. Melnik G.S., Pantserev K.A. Gendernoe neravenstvo v sotsialnoj praktike i massovo-informatsionnom diskurse [Gender inequality in social practice and mass-media discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta*. 2013; 4. (In Russ.).
16. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
17. Mead M. *Muzhskoe i zhenskoe. Issledovanie polovogo voprosa v izmenyayushchemsya mire* [Male and Female: A Study of the Sexes in a Changing World]. Moscow; 2004. (In Russ.).
18. Mouss M. *Tekhniki tela. Obshchestva. Obmen. Lichnost. Trudy po sotsialnoj antropologii* [Body Techniques. Society. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology]. Moscow; 1996. (In Russ.).
19. Nim E.G. Self-treking kak praktika kvantifikatsii telesnosti: kontseptualnye kontury [Self-tracking as a practice of quantifying the body: Conceptual outlines]. *Antropologicheskoy Forum*. 2018; 38. (In Russ.).
20. Novoselova E.N. K voprosu o roli sotsiologii v izuchenii i sokhranении zdoroviya naseleniya Rossii [On the role of sociology in the study and preservation of the Russians' health]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta*. 2017; 3. (In Russ.).
21. Pivovarov A.M. Sotsiologiya tela v poiskakh svoej identichnosti: analiz issledovatel'skikh program [Sociology of body in search for its identity: Analysis of research programs]. *Sotsiologicheskoy Zhurnal*. 2019; 4. (In Russ.).
22. Sillaste G.G. *Gendernaya sotsiologiya i rossijskaya realnost* [Gender Sociology and Russian Reality]. Moscow; 2016. (In Russ.).
23. de Beauvoir S. *Vtoroj pol* [The Second Sex]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
24. Sokolova E.T. *Samosoznanie i samootsenka pri anomalijah lichnosti* [Self-Awareness and Self-Esteem in Personality Anomalies]. Moscow; 1989. (In Russ.).
25. Starostina D.A. Formirovanie diskursa o tele v feminist'skikh issledovaniyah: "vtoroj pol", sub`ekt v protsesse, nomadicheskaya subektivnost [Formation of the discourse of body in feminist studies: "Second sex", subject in the process, nomadic subjectivity]. *Sotsiologiya*. 2021; 6. (In Russ.).
26. Strebkova Yu.A. Psikhologicheskie aspekty izucheniya telesnosti [Psychological aspects in the study of corporality]. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Tsentra RAN*. 2008; 6–1. (In Russ.).
27. Turner B. *Sovremennye napravleniya razvitiya teorii tela* [Recent developments in the theory of the body]. *Thesis*. 1994; 6. (In Russ.).
28. Trotsuk I.V. Sotsialnye metafory i "konstruktsiya" cheloveka v nauchnoy publitsistike o tele [Social metaphors and the human "construction" in the scientific publicism on the body]. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2. (In Russ.).
29. Trotsuk I.V., Morozova A.V. Simvolicheskie kody telesnosti: odezhda kak indikator transformatsiy sotsiokulturnykh praktik [Symbolic codes of the body: Clothes as an indicator of socio-cultural practices transformations]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 2. (In Russ.).
30. Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki* [The Birth of Biopolitics]. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
31. Foucault M. *Rozhdenie sotsialnoj meditsiny* [The Birth of Social Medicine]. Moscow; 2006. (In Russ.).
32. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution]. Moscow; 1997. (In Russ.).
33. Featherstone M. *Consumer Culture and Postmodernism*. London–Newbury Park, 1991.
34. Featherstone M. *Post-Bodies, Ageing and Virtual Reality. Images of Ageing*. London, 1995.

35. Featherstone M. The body in consumer culture. *Theory, Culture and Society*. 1982; 1 (2).
36. Featherstone M., Hepworth M., Turner B.S. *The Body. Social Process and Cultural Theory*. London; 1991.
37. Flament M., Henderson K., Buchholz A. et al. Weight status and DSM-5 diagnoses of eating disorders in adolescents from the community. *Journal of the American Academy of Child & Adolescent Psychiatry*. 2015; 54 (5).
38. Gallagher S. *How the Body Shapes the Mind*. Clarendon Press; 2005.
39. Kristeva J. From one identity to another. *Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York; 1980.
40. Kristeva J. *Powers of Horror*. New York; 1982.
41. Kristeva J. *Revolution in Poetic Language*. New York; 1984.
42. Lupton D. Self-tracking cultures: Towards a sociology of personal informatics. *Proceedings of the 26th Australian Computer-Human Interaction Conference on Designing Futures: The Future of Design*; 2014.
43. Lupton D. *The Quantified Self: A Sociology of Self-Tracking*. Malden; 2016.
44. Sprengnether M. *The Spectral Mother: Freud, Feminism and Psychoanalysis*. Ithaca; 1990.
45. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
46. Polhemus T. *Social Aspects of the Human Body*. Harmondsworth; 1978.
47. Witz A. Whose body matters? Feminist sociology and the corporeal turn in sociology and feminism. *Body and Society*. 2000; 6 (2).
48. Wegren S.K., Nikulin A., Trotsuk I., Golovina S. Gender inequality in Russia's rural informal economy. *Communist and Post-Communist Studies*. 2017; 50.
49. Wegren S.K., Nikulin A., Trotsuk I., Golovina S., Pugacheva M. Gender inequality in Russia's rural formal economy. *Post-Soviet Affairs*. 2015; 31 (5).